

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-64-45-64>

УДК 008

ББК 71

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. Т. В. Жигальцова

г. Архангельск, Россия

© 2022 г. В. Н. Матонин

г. Архангельск, Россия

© 2022 г. Е. Н. Егорова

г. Архангельск, Россия

© 2022 г. Н. Н. Бедина

г. Архангельск, Россия

ТОПОНИМИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПОМОРСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ

Аннотация: В статье анализируются архитектурно-пространственная организация и топонимическая структура поморских сел на основе архивных и полевых материалов авторов. Актуализированы структура и элементы культурного ландшафта, выявлены и обозначены региональные черты архитектурно-пространственной организации поселения и тип его пространственного восприятия местными жителями. Авторы публикации приходят к выводам о доминантной роли категории пространства. Именно пространственные представления носителей традиционной культуры обусловлены хозяйственными факторами. Роль категории пространства состоит в отражении внутреннего мира людей, которые его осваивают. Топонимические контексты, проанализированные с точки зрения семантики языка и культуры, свидетельствуют о морфологически и морфемно типичных словообразовательных моделях, что указывает на универсальность структурной единицы поселения, так и на универсальные топонимические наименования с богатой внутренней формой, порождающей объемное интерпретационное поле и семантические контаминации пространственного типа. Частотны топонимы, образованные от антропонимов, указывающие на принадлежность территорий и маркирующие отношение «пространство — человек». Интересны с точки зрения интерпретации топонимы, возникшие на основе переходов имен нарицательных в собственные благодаря обратной антономазии. При этом обратная топонимическая антономазия основана не на утрате топонимом своей основной функции указания на конкретный географический объект, а состоит главным образом в приобретении им дополнительных коннотаций (например, *Волчиха*, *Попов ручей*) в рамках пространственной категории и использовании в обобщенном значении (к примеру, топонимы *Низ*, *Верховье*, *Конец*, *Посад*). Анализ топонимических данных подтверждает вывод, что, с одной стороны, в ментальном

образе пространства выделяется жестко заданный центр — обжитая территория. С другой стороны, образ пространства рыбаков-промышленников отличается объемом, эта «устремленность вне» имеет не только прагматический, но и экзистенциальный характер.

Ключевые слова: планировка, культурный ландшафт, топонимика, традиционная культура, Онежское Поморье, Русский Север.

Информация об авторах:

Татьяна Валентиновна Жигальцова — кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и религиоведения, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, наб. Северной Двины, д. 17, 163002 г. Архангельск, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5471-1540>

E-mail: t.zhigaltsova@narfu.ru

Василий Николаевич Матонин — доктор культурологии, доцент, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, наб. Северной Двины, д. 17, 163002 г. Архангельск, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0830-5533>

E-mail: matoninv@yandex.ru

Екатерина Николаевна Егорова — кандидат филологических наук, доцент, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, наб. Северной Двины, д. 17, 163002 г. Архангельск, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8115-9344>

E-mail: ruslit1611@yandex.ru

Наталья Николаевна Бедина — доктор культурологии, доцент, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, наб. Северной Двины, д. 17, 163002 г. Архангельск, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1613-4164>

E-mail: bedina-nat@yandex.ru

Дата поступления статьи: 19.08.2021

Дата одобрения рецензентами: 20.11.2021

Дата публикации: 28.06.2022

Для цитирования: Жигальцова Т. В., Матонин В. Н., Егорова Е. Н., Бедина Н. Н.

Топонимическая структура поморских поселений // Вестник славянских культур. 2022. Т. 64. С. 45–64. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-64-45-64>

Введение

Архитектурно-пространственная среда сельских северных поселений сохранила традиционную планировочную структуру, которая включает в себя тип расселения («гнездовой», «разбросанный», «скупенный»), застройку («рядовая», «концевая», «уличная», «смешанная» и др.), исторически ценную жилую, хозяйственную, культурную архитектуру. Трансформация политической системы в XX в. оказала значительное влияние на архитектурно-пространственную и природно-хозяйственную среду поселений. Образование колхозов (1930–1931), постройка общежитий, новых хозяйственных построек, перестройка старых под новые нужды¹, разработка земельных угодий и пр.

¹ Например, традиционная постройка «магазея» — общественный склад зерна на случай неурожая или бедствий, используется как колхозный склад; дома бывших богатых владельцев — как конюшни и коровники.

не могли не отразиться на планировочной структуре поселения и на образе пространства в восприятии местных жителей. Поэтому архитектурно-пространственная среда большинства традиционных северных поселений обладает в той или иной степени выраженным палимпсестом. В начале XXI в. многие из северных поселений пустеют и превращаются в дачные поселки, где зимой не остается жителей. В результате происходит редукция культурного ландшафта. Чтобы определить его генезис, недостаточно одного обращения к архивным документам, картам и планам. Необходимо включение топонимических и фольклорных данных, поскольку именно они отражают особенности восприятия пространства местными жителями. В настоящей работе анализируется топонимическая структура поморских сел на примере Унежмы, Кушереки, Малошуйки, Нименьги и Ворзогор, расположенных на Поморском берегу Онежского залива Белого моря.

Методы и подходы

Исследование носит междисциплинарный характер и включает в себя предметные области этнотопографии, этнолингвистики и фольклористики. Под культурным ландшафтом, вслед за М. В. Рагулиной, мы понимаем «самоорганизующийся природно-культурный комплекс, целостно репрезентируемый в сознании членов социума и их соседей, в рамках которого осуществляется жизнеобеспечивающая деятельность человеческого коллектива» [19, с. 101]. В рамках настоящего исследования нас интересуют следующие компоненты культурного ландшафта как сложного природно-культурного комплекса:

- природная среда, включая рельеф, водные источники, характер почвы;
- сообщество людей, взятое в социальном (поселенческом) и семейном аспектах;
- хозяйственная деятельность, а именно земледельческий и промысловый хозяйственно-культурные типы;
- архитектурно-пространственная среда как способ пространственной организации сообщества в природном ландшафте;
- репрезентация образа пространства в языке, на материале топонимики;
- фольклорная традиция (см.: [9]).

В качестве материала для анализа архитектурно-пространственной среды использованы документы Государственного архива Архангельской области:

- Клировые ведомости XIX – начала XX в., содержащие данные о названиях и размерах полей, сенокосных угодий, принадлежащих священно- и церковнослужителям;
- Списки населенных мест Онежского уезда XIX в., составленные местными священниками, в которых, помимо официальных названий, представлены обиходные наименования и названия «концов» поселения;
- Отчеты этнографических экспедиций на Поморский берег 1996–1999 гг. (В. Матонин, А. Крысанов, С. Тюкина, Ю. Батова, И. Попов, С. Рапенкова) и 2018–2020 гг. (Т. Жигальцова).

Материалы экспедиций проанализированы также с точки зрения ономастики и фольклористики. В круг исследования вошли микротопонимы — названия урочищ (лугов, полей, участков леса), островов, мысов, возвышенностей, ручьев, небольших рек, а также названия населенных пунктов, поскольку они «на Русском Севере в своем большинстве восходят к названиям урочищ или других микрообъектов» [13, с. 79],

в данном случае — названий небольших рек. Фольклорный материал привлекается для выявления интерпретации «ландшафтных топонимов» [8, с. 14], которую имеют в виду жители поселений, поскольку исследование топонимической структуры как части традиционной культуры предполагает не только фиксацию самих топонимов, но и понимание «объяснений, которые им дают сами носители традиции» [24, с. 11]. Топонимические легенды позволяют «изнутри» (глазами местных жителей) увидеть окружающую их природу и особенности хозяйственной деятельности.

Планировочная структура

Для исторических поселений Белого моря, расположенных на реке (с. Нименга, с. Малошуйка, с. Кушерека, с. Унежма), характерно деление на «концы», среди которых выделяются два — «Низ» и «Верховье» в зависимости от течения реки (Список населенных мест 1-го благочиния Онежского уезда 1898 год / Ворзогорского прихода // ГААО. Ф. 462. О. 1. Д. 35. Л. 6–18). Этнографические материалы, собранные этнографом Т. А. Бернштам, подтвердили деление на части только тех поселений Белого моря, которые расположены на реках, впадающих в море [3, с. 20]. Они делились на «Низ» (ближе к устью) и «Верх» (вверх по реке), между ними располагались «Серетье» (середина между Низом и Верхом), концы имели названия в зависимости от характера местности — Заречье, Заболотье, Заруцей, Корга, Занаволоком.

Т. А. Бернштам относит с. Малошуйка к поселению с гнездовым типом расселения, который объясняется автором наличием деления внутри поселения на две деревни Вачевская — Верх, или Лахоцка, и Абрамовская — Низовская, состоявшая из частей Польска и Конецка» [2, с. 28–29]. Архитектором Ю. С. Ушаковым в 1982 г. было выявлено деление села на три части: Верховье (Вачевская), Низ (Абрамовская) и Заречье [25, с. 21]. В ходе экспедиций 1990-х гг. эти данные подтверждены. Архивные материалы (ГААО. Ф. 462. Оп. 1. Д. 35. Л. 10. Список населенных мест 1-го благочиния Онежского уезда, Малошуйский приход, 1898 г.) показывают традиционное деление села Малошуйка, но на восемь частей (таблица 1):

Таблица 1 — Название частей с. Малошуйка с количеством домов, 1898 г.
Table 1 — The name of the parts of the village of Maloshuika with the number of houses, 1898

Деревни	Обиходное «ландшафтное» название	Из каких окол/концов состоит	Число домов
«Село Малошуйское, входящие в состав его деревни Вачевская и Абрамовская. Вачевская деревня расположена по обе стороны реки Малошуйки, д. Абрамовская по правую сторону той же реки»	Вачевская — Верховье	В Вачевской: Лахта (14 домов), Наволок (10 домов), Подгорье (17 домов), Поле (27 домов). Полевую сторону реки Малошуйки: Конец (25 домов), Лахта (29 домов)	122
	Абрамовская — Низ	Низ (40 домов), Посад (24 дома)	64

Таким образом, видна динамика сокращений частей: части Посад, Наволок, Подгорье, Поле, Конец не фиксировались уже в конце XX в.

Другое поморское село Ворзогоры не расположено на реке. В ходе полевой работы было обнаружено деление села на следующие части: д. Кондратьевская — «конечина» (окраина деревни), «могильники» (старое кладбище неподалеку от культовых построек), «волчиха» (окраина деревни), «высочиха» (высокое место), «глубочиха» («впадина, яма в землю между деревень» ПМА Слепинин), Павловский бор («бор, созданный Павлом Елисеевым», который «так и называется, хотя деревьев уже нет, может быть, когда-то были деревья» ПМА Слепинин), «заболотье» (заболоченное место); деревня Яковлевская — нет деления на части (деление происходит по прозвищам/«народным» фамилиям жителей). Топонимы часто морфологически связаны с антропонимами, в материалах, представленных для анализа, такие контексты частотны.

Согласно сведениям того же архивного документа (ГААО. Ф. 462. Оп. 1. Д. 35. Л. 10. Список населенных мест 1-го благочиния Онежского уезда, Малошуйский приход, 1898 г.), с. Ворзогоры делилось на пять частей (см. данные таблицы 2):

Таблица 2 — Название частей с. Ворзогоры с количеством домов, 1898 г.
Table 2 — The name of the parts of the village of Vorzogory
with the number of houses, 1898

Деревни	Обиходное «ландшафтное» название	Из каких оков/концов состоит	Число домов
«Село Ворзогоры, входящие в состав его деревни Кондратьевская и Яковлевская»	Кондратьевская — нет названия	Волчиха (45 домов), Заболотье (43 дома), Конец (25 домов)	113
	Яковлевская — нет названия	Яковлевская деревня на два конца без особых названий. В Яковлевской в том и другом по 38 домов	72

Таким образом, в данном случае наблюдается обратная тенденция — увеличение количества частей в д. Кондратьевская с сохранением традиционных названий «волчиха», «заболотье», «конечина» (вероятно, соответствует архивному названию «конец»).

Соседние села также состояли из большого количества «концов».

По архивным данным 1898 г. с. Нименга состояло из девяти частей — Бокина, Низ, Верховье, Выползово, Судаково, Пнева, Харитоновская запань, Посад/Юрьевская, Юдмозерская. Полевые материалы 1990-х гг. дают сведения о 8 концах: «Деревни от моря располагались в таком порядке: Низ, Судаково, Верещагино, через реку напротив нее Бокино, опять по этой стороне Старый посад, Новый посад, Выползово, Верховье» (ПМА Гостева) [17, с. 115].

Село Кушерека к 1898 г. состояло из двух частей Козьминская/Кузьминская и Логинская, состоящие, в свою очередь, из оков Верховье, Гора, Бачина, Низ, Остров (ГААО. Ф. 462. Оп. 1. Д. 35. Л. 8; 16. Список населенных мест 1-го благочиния Онежского уезда, Малошуйский приход, 1898). Полевые материалы подтверждают это деление (ПМА Неклюдова) [17, с. 58]. В настоящее время части села имеют названия: д. Кузьминская — левый берег и Логиновская — правый берег (ОИММ (*Онежский историко-мемориальный музей*). Оп. 3. Д. 315. Харлин Л. А. Поморье — промыслы (Лямца, Малошуйка, Унежма, Тамица). 1991–1992 гг.).

Село Унежма складывалось из оков: Подгорье, Конец, Заполье, Задний и Передний (Морской) ряды (ОИММ. Оп. 3. Д. 315. Харлин Л. А. Поморье — промыслы (Лямца, Малошуйка, Унежма, Тамица). 1991–1992 гг.).

Наименования *Низ, Верховье, Конец, Посад* повторяются в разных населенных пунктах и представляют, на наш взгляд, универсальную структурную единицу поселения, а следовательно, универсальное топонимическое наименование. По мнению Т. А. Бернштам, гнездовой тип расселения должен также подтверждаться «проживанием в каждой части определенных групп семей («фамилий»)» [2, с. 29]. Таким образом, «конец» — это не только наименование части поселения по его внешним отличительным признакам, а часть территории, на которой сгруппированы жилые постройки по патронимическому признаку (дома родственников). Данное явление пока нашло подтверждение только в одном случае — наличие домов семьи предка Гунина в д. Яковлевской, с. Ворзогоры, создавших целую улицу «улица братьев Гуниных».

Топонимическая структура

В качестве примера динамики топонимических изменений и наличия устойчивой исторической памяти, определяющей культурный ландшафт поселения, приведем систему микротопонимов с. Ворзогоры, относящихся к церковным земельным владениям. В таблице показаны архивные топонимы с. Ворзогоры за 1833, 1842, 1912–1913 гг. и их определения (интерпретация), данные местными жителями в 2018 г. (таблица 3).

Таблица 3 — Список архивных топонимов и их современных определений
Table 3 — List of archived toponyms and their modern definitions

Топоним 1833 г. ²	Топоним 1842 г. ³	Топоним 1912–1913 гг. ⁴	Значение слова (2018 г.) ⁵
Махевщина	–	–	Махевщина — (вероятно, поле) значение утрачено.
–	Петровщина	–	Петровщина — поле, по имени владельца. Ивановщина — «бывало до сель Иван, ихние усадьбы были, ну ихние поля, они разрабатывали. Колхоз-то потом все забрал у них, ну вот Ивановщина и стала. Петровщина тоже» (ПМА Рогачева).
Матеревщина (2 участка)	Матеревщина (3 участка)	Матеревщина (5 участков)	Матеревщина — (вероятно, поле) значение утрачено.
–	–	Васильевщина	Васильевщина — поле, по имени владельца: «картошку сажали, потом косили» (ПМА Крылова)

² ГААО. Ф. 462. Оп. 1. Д. 27. Описание имуществ и угодий церковью Ворзогорского прихода Онежского уезда за 1833 г.

³ ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 459. Описание церковного и ризничного имущества церковью Ворзогорского прихода Онежского уезда за 1842 г.

⁴ ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 2189. Главная опись церковного и ризничного имущества церковью Ворзогорского прихода Онежского уезда за 1912–1913 гг.

⁵ Запись Т. В. Жигальцовой, 2018 г.

Кабала (2 участка)	Кабала (2 участка)	Кабала (2 участка)	Кабала — «это такое поле, где и камни, и кочки — все. Есть у нас такое поле. Крестьяне так называли. Идешь картошку копать или жито жать — там одни неприятности. Между деревень. Та часть, которая к морю идет, — кабала. Самая настоящая кабала! Большое поле. Картошку копают целую неделю» (ПМА Слепинин); «Вот меж деревнями это называется кабала. Сторона, к морю которая» (ПМА Долматов); «участок — досельные люди такое название дали» (ПМА Рогачева).
–	Большие поля	Большие поля (4 участка)	Большие поля — значение утрачено.
Никольский обод	Поле у Николы	Обод под Николой	Обод под Николой — «часть километр на километр под Никольской церковью» (ПМА Слепинин).
–	–	У церкви	У церкви — (вероятно, поле) значение утрачено.
–	–	Надлемошье (2 участка)	Надлемошье — (вероятно, поле) значение утрачено.
Подлемошье	Подлемошье	Подлемошье	Подлемошье — «Большой, большой мох. И все сенокосы и пашни как бы подле моха» (ПМА Слепинин); «поля у самого мху» (ПМА Рогачева).
Пригор	Пригор (2 участка)	–	Пригор — «та часть горы, которая в море упирается. Крутой склон по всему побережью», использовалось как поля (ПМА Слепинин).
–	Хом на волок	Хом Наволок (2 участка)	Хом наволок — холм с наволоком — пастбище, сенокос (ПМА Долматов); «Поля. Потом сенокосы. Сейчас уж все опустошено, полей нету» (ПМА Рогачева).
У Озера	У Озера	–	У Озера — (вероятно, поле) значение утрачено.
У Комова анбара	У Комова анбара	–	У Комова анбара — поле у Комова амбара. Комов амбар — амбар, по фамилии владельца, не сохранился (ПМА Долматов); «Миши Комова амбар» (ПМА Рогачева).
Глиненки	Глиненки	–	Глиненки — поля «вдоль моря, глинистые почвы»; «поля, теперь люди картошку садят» (ПМА Захарова, Рогачева).
Под новиной	Под Новиной	–	Под новиной — «Поля в Яковлевской» (ПМА Рогачева).
Круг/чини	–	–	Круг/чини — (вероятно, поле) значение утрачено.
Косогоры	Косогоры	Малый косогор	Косогоры — «если идти на Высочиху, там вниз-вверх, туда-сюда — косые горы. Дорога по горам идет. Не прямые горы, а всякими фигурами» (ПМА Слепинин); «поля первый косогор и второй» (ПМА Рогачева)
Кобылиха	–	–	Кобылиха (вероятно, сенокос) — значение утрачено.

У Стаек	–	–	Стайки — сенокос в сторону Онеги (ПМА Долматов).
Зуски	–	–	Зуски — (вероятно, сенокос) значение утрачено.
За двором	За двором		За двором — (вероятно, участок за хозяйственным двором дома священника) значение утрачено.
–	Каменки	–	Каменки — (вероятно, поле) значение утрачено.
Махсинки	–	–	Махсинки — (вероятно, поле) значение утрачено.
У межи	–	–	У межи — (вероятно, сенокос) значение утрачено.
В Трестянной	–	Трестяная	Треста — (вероятно, сенокос), «место где камыш вдоль моря растет» (ПМА Долматов).
–	–	В ягодах	В ягодах — (вероятно, сенокос) значение утрачено.
Олешник	–	Олешник	Олешник — «почти полностью из ольхи. Там сенокос болотистый. Больше на этом участке ольхи. Вот и называют Олешник» (ПМА Слепинин); «густой олешник — раньше, наверное, лес был густой, вот и назывался» (ПМА Долматов); «Олешник на море в лесу. Там сено косили» (ПМА Рогачева, Крылова).
Юдмовщина	–	Юдмовщина	Юдмовщина — (вероятно, сенокос) значение утрачено.
На Поповом ручье (2 участка)	–	У Попова ручья	Попов ручей — «в честь того, что вдоль этого ручья у священника были сенокосы» (ПМА Слепинин).
Шалга	–	–	Шалга — «сухое место на болоте» (ПМА Слепинин); «лесная полоса на болоте» (ПМА Долматов); «На Тапшеньгу едешь, дак там Шалгой называется. Лес не растет на них» (ПМА Рогачева).

Материалы таблицы свидетельствуют об утрате и десемантизации топонимов («махсинхи», «зуски», «махевщина», «кобылиха» и другие), а также о появлении новых в конце XIX – начале XX в. («васильевщина», «надлемошь»). Количество земли и сенокосных участков, принадлежащих церковному притчу, оставалось неизменным. Однако количество топонимов, обозначающих пашенные и сенокосные участки, уменьшилось. Одной из возможных причин могло стать объединение полей и замещение одних топонимов другими. Этот процесс отражен в работе В. Н. Калущкова на примере топонимии полей д. Марьиной, Пинежский район [8, с. 11].

Исследователь Е. Л. Березович отмечает, что для топонимии Русского Севера характерен образ попа: «Образ попа настолько популярен в топонимии, что в номинации отражаются не только обстоятельства проживания попа в определенном месте культовой деятельности, владения определенным земельным участком, но и черты его внешнего облика» [1, с. 270]. Это находит подтверждение и в исследуемой местности, но преобладает объяснение происхождения данного термина самим фактом владения

землей, сенокосными участками: «Поповки» — «сенокосные участки попа»; «Попова гора» — «с левой стороны “Высочи́хи”, там пахотные земли у священника были»; «Попов ручей» — «в честь того что вдоль этого ручья у священника были сенокосы» (ПМА Слепинин). Несмотря на то что церковь уже более века не является субъектом земельных отношений, многие названия церковных владений сохраняются в памяти жителей села. Вместе с тем в интерпретации семантики названий уже не прослеживается значение «принадлежность церкви», кроме тех, где непосредственно присутствует корневая морфема поп-. Это может быть обусловлено внутренней формой топонимов. Топонимы, как и другие наименования, аккумулировавшие знание о месте, были связаны как с природными особенностями местонахождения, так и главным образом — с ситуацией и человеком, проживающим на этой земле / территории.

Лингвистический анализ названий частей поселений и земельных владений (т. е. антропологического компонента культурного ландшафта) актуализирует тезис, высказанный в трудах таких лингвистов, как С. Н. Смольников, Ю. А. Карпенко, Е. Н. Иванова, С. В. Репневская, Т. А. Сидорова и др.: «...на ранних этапах становления региональных онимических систем» границы имен собственных и имен нарицательных размыты [21]. Так, в семантике анализируемых микропонимов объективируется категория пространства: Низ / Верховье (семантика пространства обусловлена связью с действительностью: *близостью к устью и истоку реки*), Бокино (семантика «сбоку», «с той стороны»), Подгорье (семантика букв. «под горой»), Заболотье (букв. сем. «за болотом»), Заречье (букв. сем. «за рекой»), Высочи́ха (букв. «высокое место», возможно, аффикс -их- семантически указывает на избыточность признака), Глубочи́ха (букв. «глубокое место», аффикс -их- — также с семантикой «очень», «очень глубокое место»), Надлемошье / Подлемошье (префиксы с семантикой «перед» и «после» или «верх» и «низ»). Произошла семантическая трансформация пространственных отношений: над- и под- воспринимались как «верх» и «низ», а стали (в результате утраты значения топонима Надлемошье) трактоваться как «подле», «рядом».

По словам Е. Н. Ивановой, «функция выражения пространственных отношений первична для названий географических объектов, следовательно, локативы составляют функциональное ядро любой топонимической системы» [6]. Не менее устойчивую позицию, по нашему мнению, занимают и антропонимические отношения, если принимать во внимание выход из плоскости: «нарицательно — собственное», «собственное (антропоним) — собственное (топоним)». Так, в исследуемых материалах частотны топонимы, которые возникли на основе антропонимов (прозвищ, фамилий), имеют характерные аффиксы (присущие антропонимическим наименованиям):

- Абрамовская (от имени Абрам — суффиксы -ов (прозвание/фамилия) и -ск),
- Кондратьевская (от имени Кондратий — суффиксы -ев (прозвание/фамилия) и -ск),
- Яковлевская (от имени Яков — суффиксы -ев (прозвание/фамилия) и -ск, л-эпентетикум — асемантическая морфема),
- Махевщина (от прозвища Мах -ев, щ/ин) объективируют смыслы принадлежности, возможно, произошло усечение основы от Махеев (выпала гласная «е»),
- Петровщина (от Петр -ов, щ/ин),
- Васильевщина (от Василь -ев, щ/ин),
- Матеревщина (от Матерев, возможно, с индоевр. наращением ег, ср. матери, дочери),
- Юдмовщина (от Юдм -ов, щ/ин).

Устойчивые словообразовательные модели с аффиксами антропонимов объективируют смыслы *принадлежности* (отвечают на вопрос, кому принадлежит территория, чья земля?).

Внутренняя форма слова «волчиха» позволяет предложить, каким было коммуникативное прошлое: окраина служила границей между деревней и лесом, поэтому дикие звери (волки) пересекали ее. Или очевидна вариативность морфем, семантически объединенных в группу: наволок — волок — волочь — волочить.

Народная этимология как компонент культурного ландшафта

Если мы обратимся к наименованиям природных объектов и к восходящим к ним названиям поселений, то увидим, что здесь преобладают субстратные микротопонимы, т. е. неславянского происхождения и, как следствие, немотивированные с точки зрения русского языка. Как справедливо пишет А. К. Матвеев, «для поморских деревень, особенно Кушереки и Малошуйки, характерно преобладание микрогидронимических полукалек, напротив Нименьга, смежная с низовьями Онеги, в этом отношении приближается к собственно онежским деревням с их богатой субстратной микротопонимией в названиях урочищ и множеством детерминативных форм» [13, с. 84].

Примеры микротопонимов:

- субстратные топонимы: Унежма, Малошуйка, Нименьга, Ворзогоры (возможно, полукалька), Тапшеньга;
- полукальки: Лейдручей, Кузручей, Видручей, Кушерека, Лидостров, Калозеро, Кочозеро;
- детерминативы: Юдмовщина, Шунданец, Чуйнака, Надлемошье / Подлемошье;
- атрибутивы: ручей Подмогильный, ручей Белый, ручей Грязный, Попов ручей, Песчаный ручей, Пропаший ручей, Бабий ручей, Долгое озеро, Попов остров, озеро Морское, озеро Великое.

Немотивированные названия природных объектов, а также восходящие к ним названия социальных и хозяйственных объектов подвергаются окказиональной этимологической интерпретации. При этом «народная этимология» в процессе объяснения топонима реконструирует те же языковые механизмы нейминга, свойственные русской топонимике, которые мы видим при анализе топонимической системы антропологического компонента культурного ландшафта.

Реконструкция объективации пространственных отношений:

Подлемошье — «большой, большой мох. И все сенокосы и пашни как бы *подле моха*» (ПМА Слепинин); «поля у самого мху» (ПМА Рогачева). Как уже было указано, утраченный микротопоним Надлемошье выявляет грамматический смысл префиксов под- и над-. Однако информант, интерпретируя только один элемент топонимической пары, реконструирует значение форманта «подле-» (т. е. *рядом (со мхом, с болотом)*). Причем такая реконструкция противоречит фонетическим языковым процессам, поскольку известно, что Щ возник из сочетания Ski, а на месте X должен был бы образоваться Ш.

Реконструкция антропонимического основания топонима:

Павловский бор в с. Ворзогоры — «бор, созданный Павлом Елисеевым», который «так и называется, хотя деревьев уже нет, может быть, когда-то были деревья» (ПМА Слепинин). При этом информант ориентируется на современное общерусское значение слова «бор» («*большой сосновый и еловый лес, растущий на сухом возвышенном месте*» [20, с. 573]). Суффикс -ск- указывает на принадлежность хвойного леса некоему Павлу, который его создал (насадил?). Вместе с тем севернодиалектное «бор»

имеет также значение ‘возвышенность, гора, обычно покрытая лесом’, ‘сухое возвышенное место в лесу или на болоте’, где ключевым дифференциальным признаком, видимо, является рельеф местности [10]. Информант, реконструируя семантические связи по принципу *происхождения и принадлежности объекта*, выбирает в качестве основного признака лес как наиболее вероятный рукотворный элемент, но при этом вынужден объяснить его отсутствие в реальности.

Название мельницы в с. Кушерека — Калининская (суффикс -ск-) — также интерпретируется через семантику принадлежности: «называлась по фамилии владелицы (бабушки)» (ПИМА Кучкина) [17, с. 53].

Субстратный топоним Нименьга А. К. Матвеев возводит к двум грамматическим формам: прибалтийско-финской основе «нем-» / «ним-» (‘*мыс*’) и марийскому форманту «эн’ер» (‘*ручей, река*’) [14, с. 78; 15, с. 141]. Онимизация апеллятива (нарицательного имени) — это древнейший способ создания имен собственных. Однако топонимическое предание вновь реконструирует семантику происхождения поселения: «Первым в этих местах во времена Иоанна Грозного поселился немой человек. «Немыми» (немцами) называли всех, кто не говорил по-русски» [17, с. 125].

Широко распространенные на Русском Севере предания о первопоселенцах, давших по своим именам названия поселениям [11], актуализируют, прежде всего, антропонимические отношения в топонимической структуре Поморья.

Названия деревень Яковлевская и Кондратьевская в Ворзогорах интерпретируются в топонимическом предании: «...были когда-то в этих местах основатели деревень вор Яшка и разбойник Кондрашка» [17, с. 143], реконструируя семантические связи на основании *происхождения объектов*. Отсюда производится и топоним Ворзогоры. Н. А. Криничная приводит следующее историческое предание, зафиксированное в 1868 г.: «...село Ворзогоры прежде будто бы называлось Ворогоры, по той причине, что первое заселение этого места начато “ворами”, или паньками, “литовскими людьми и русскими изменщиками”, которые основали здесь свой главный притон. Поселившись на высокой горе, эти “воры” могли видеть всякого плывущего по морю и по реке Онеге и едущего по дороге вдоль поморского берега и к селению Нименьге, брошенному в сторону от почтового тракта» [11, № 89]. Современные предания уточняют, что, возможно, у «Яшки» есть исторический прототип — литовский полковник Якуш, разбойничавший в этих местах в Смутное время начала XVII в. [17, с. 143].

Указание на индивидуализирующий мотивировочный признак, послуживший реконструируемой основой для опознавания объекта и его номинации:

— *характерный внешний признак объекта:*

Название реки и села Кушерека исследователи возводят к саамскому «кушк» (‘*порог, водопад*’) [15, с. 87], отсюда Кушерека — букв. *порожистая река*. В окказиональной этимологии выбирается иной, мотивированный в русском языке, признак: «“Куш” — богатство. Богатая река, значит» (ПИМА Кучкина) [17, с. 53].

Топоним Малошуйка происходит от названия реки Шуйка. Л. А. Харлин этот субстратный топоним производит от финно-угорских основ: «маа» (‘*земля*’), «суль» (‘*соль*’), «куль» (‘*рыба*’) или «сельк, серга» (‘*холм, гряда, возвышенность*’). Отсюда фонетически адаптированная к русскому языку Малошуйка могла означать *земля холмов и возвышенностей, земля, где солят рыбу, река на соленой земле* и пр. (ОИММ. Оп. 3. Д. 315. Харлин Л. А. Поморье — промыслы (Лямца, Малошуйка, Унежма, Тамица). 1991–1992 гг.). С. В. Попов производит название реки от финского «*suo*» (‘*болото*’) [18, с. 48], что косвенно подтверждается полевыми материалами: «Нименьга — река тихая,

а Малошуйка — омутистая, кулишка — омуток. А Кушерека — каменистая, из одного ключа течет, — так говорили старые люди» (ПМА Барышева) [17, с. 89].

Окказиональных этимологических версий происхождения топонима несколько: первая объективирует отношения принадлежности: «раньше эти земли принадлежали Василию Шуйскому», вторая — пространственные отношения: деревня расположена по левую сторону реки («ошую», слева), третья указывает на признак объекта: река бежит «шумко», весело [4].

– *выдающееся событие, ставшее признаком объекта:*

Топоним Ворзогоры исследователи связывают с коми-зырянским «вор» («лес»), к которому присоединена русская основа «горы» (ОИММ. Оп. 3. Д. 224. Носков П. И. Прионежье — тысячелетие назад (краеведческий очерк). 1970-е гг.). В народной этимологии «вор», как уже было сказано, читается как «вор, разбойник». Широкое распространение получил вариант предания, связывающий название села с Петром I: «У Петра I, во время посещения Яковлевки и Кондратьевки, называвшихся тогда, Загоры, украли стремя [по другим версиям — камзол, кафтан или сапоги]⁶, и он воскликнул: “Какие же это За-Горы, Это Вор-За-Горы”» [7; 17, с. 141].

Безусловно, народная окказиональная этимология немотивированных топонимов и топонимов с забытой внутренней формой включает их в культурный ландшафт Поморского берега, как определяя образ пространства обжитой территории, так и поддерживая устойчивость исторической памяти в сознании ее жителей. Любопытно, что характеристика места, реконструированная в народной этимологии, оказывается основанием для формирования социокультурных стереотипов — образов жителей той или иной деревни.

Так, интерпретация топонима Малошуйка как деревни на «веселой, шумной» реке переносит характеристику «веселости» на человека:

Из-под города Архангельска
Да под матку Онегу-реку,
Под высокую Ворзогору,
Под угрюмую Нименьгу,
Во веселую Шуйку-реку.

(фрагмент свадебной песни с Малошуйка, запись 1999 г.)
[17, с. 69]

«Высокие» Ворзогоры здесь противопоставляются «низкой», а потому «угрюмой» Нименьге. В этимологии топонима Нименьга, нет характеристики «низменное место», но фонетическое созвучие и в том, и в другом случае создает образ оппозиционной пространственной пары: верх–низ, свет–мрак. Как отмечает Н. И. Толстой, «лежащий в основе народной этимологии принцип семантического притяжения (аттракции) созвучных слов составляет одну из важнейших особенностей ряда архаических фольклорных и ритуально-магических текстов» [23, с. 317]. И шумная, веселая Малошуйка противопоставлена угрюмой Нименьге (а возможно, и высоким Ворзогорам, и великой Онеге-реке, и большому городу Архангельску).

⁶Н. А. Криничная приводит подобное историческое предание, но о происхождении названия города Вытегра: «Вот Вытегра была Вянга. Деревня Вянга была, где Вытегра. Когда камзол украли у Петра, он сказал:

— Вы тигры!

Вот и переименовали ее: Вытегра стала на месте Вянги» (1971) [11, № 68].

В Малошуйке-то реке
Плавала гитара,
Малошуйски-то ребята
Две копейки — пара.
(запись 1999 г.)
[17, с. 72]

Полевые материалы не дают достаточных оснований говорить о формировании устойчивого социокультурного стереотипа, однако можно предположить, что «веселость», праздничность оказывается характерной чертой образа домашнего мира жителей Малошуйки: «Кладбище веселое было, на Горе Домашней. По одну сторону река. Хорошо кладбище, весело. На кажду Троицу ходили на кладбище, кресты красили» (ПИМА Быкова) [17, с. 81].

Другой пример метафорического переноса природных характеристик на человека дает фольклор села Унежма. Сам топоним является субстратным: А. К. Матвеев относит это название к дофинноугорскому (саамскому) субстрату [14, с. 79–80], Л. А. Харлин возводит его к финно-угорским основам «ма» ('земля') и «уйнее» ('увидеть, заметить, хорошо просматривать'). Еще одним элементом, значимым для культурного ландшафта поселения, являются унежемские Вараки — четыре невысокие горы: Великая, Варничная, Средняя и Смолениха.

Р. В. Гайдамашко фиксирует в русских говорах слова финно-угорского происхождения «вара», «варака», «варока» со значением «*крутой холм, скалистая гора*» [5]. Вместе с этим в словаре В. И. Даля зафиксировано слово «варакать» со значением «*писать или делать что-то кое-как, дурно*», отсюда варака — болтун, пустомеля, плохой мастер [22, с. 164]. Вновь созвучие слов⁷ становится основанием для переноса значения: «Унежемские вараки! Пройди по берегу моря и увидишь множество гор и горушек, больших и малых, высоких и низеньких, но таких, как в Унежме, не увидишь! <...> Потому-то унежемов иногда нелестно величали: “варакушники”, “унежемская варака”» (И. М. Ульянов) [17, с. 26].

Иронический образ автостереотипа представлен в частушечном фольклоре:

Наша Унежма-деревня
Дикая-предикая.
Ее только украшает
Варака Великая.
(запись 1996 г.)
[17, с. 43]

Наша Унежма-деревня
У синего морюшка.
Нет порядка никакого,
Из колодца водушка.
(запись 1999 г.)
[17, с. 30]

⁷ Возможно, в зафиксированной В. И. Далем лексеме мы имеем дело с переносом значения по внешнему сходству: *наваленная груда камней / плохо выполненная работа*.

Унежда имеет уникальную особенность: в отличие от Кушереки и Малошуйки, село находится не на берегу реки неподалеку от моря, а возле самого моря. До секуляризации 1764 г. здесь вываривали соль крестьяне Соловецкого монастыря, трудники и монахи. Жители Унежды сознавали свою маргинальность в пространстве Поморского берега (это село — крайнее на Поморском берегу). Еще и поэтому Унежда — «дикая-предикая».

Заключение

Комплексное исследование структуры и элементов культурного ландшафта позволяет выявить региональные черты архитектурно-пространственной организации поселения и тип его пространственного восприятия местными жителями.

Жители Поморского берега Белого моря были носителями промыслового типа культуры, в отличие от ярко выраженного земледельческого уклада крестьян Поонежья (берегов реки Онеги и ее притоков), а также Онежского берега Онежского залива, расположенного напротив исследуемого нами Поморского берега. Ландшафты Онежского и Поморского берегов неоднородны. В первом случае — это широкая песчаная литораль, во втором — каменистые выступы (вараки). Поэтому жители Онежского берега, помимо рискованного, но обязательного земледелия, занимались установкой на литорали рыболовных руж — особой формы сетей, которые нужно было проверять, не реже двух раз в сутки. Крестьяне Онежского берега были в буквальном смысле привязаны к морю. В их восприятии соотносились и приравнивались образы моря и поля (Наше море — наше поле) [16, с. 104–105]. В селах Онежского берега (Кянде, Тамиче, Пурнеме и Лямце) не зафиксировано староверия и преобладал земледельческий уклад, чрезвычайно похожий на уклад, сложившийся на берегах реки Онеги и ее притоков (Чекуево, Турчасово, Верховье, Павловский бор, Анциферовский бор, Большой бор и так далее). С. В. Максимов в своей знаменитой книге «Год на Севере» указывает на то, что жители Поморского берега не считали поморами жителей Онежского берега [12, с. 245]. Крестьяне исследуемых нами сел Поморского берега лишь рудиментарно занимались сельским хозяйством — в силу традиции. Земледелие, дом, дети — все это ложилось на женские плечи, потому что мужское население ходило на рыбные промыслы через море на Мурман.

Пространственные представления носителей традиционной культуры обусловлены хозяйственными факторами, ограничены рамками «своей» зоны. Образ пространства является проекцией внутреннего мира людей, которые его осваивают. Анализ топонимических данных подтверждает вывод, что, с одной стороны, в ментальном образе пространства выделяется жестко заданный центр — обжитая территория («Тетка чаем напоит, ужином покормит <...> в гостях на само лучше место повалят. Два дня проживешь, обратно в свою деревню — лучше Малошуйки не было» (ПМА Барышева)). Само пространство воспринимается как качественно неоднородное — освоенное и не освоенное, где освоенное — это прежде всего обработанная или используемая в хозяйственных целях земля. «Освоенность» маркируется именем, в котором объективируются отношения «человек — земля». Субстратные наименования имеют природные объекты, их хозяйственное освоение обозначено славянскими топонимами. С другой стороны, образ пространства рыбаков-промышленников отличается «широтой горизонта, наличием высотного видения местности», хотя и основан на «земледельческом субстрате» [1, с. 279–280]. Пространственные представления жителей Поморского берега простираются за пределы освоенного пространства (Мурман, Норвегия). На наш взгляд, эта

устремленность вовне имеет не только прагматический, но и экзистенциальный характер.

По нашему наблюдению, русские первопроходцы и поселенцы и не только сами выбирали место жительства, но и место жительства «выбирало» их. Людей, чье духовное состояние характеризуется нестабильностью и переходностью, привлекали территории, сочетающие в себе лес, реку, море, луга, пространства пригодные для пашни. Большая часть исследуемых нами сел находится на берегу рек неподалеку от моря в лесном окружении. Лес служит защитой от враждебного мира, а река преодолевает замкнутость леса и влечет к морю, внутреннее море — к океану.

СПИСОК ИНФОРМАНТОВ:

Экспедиции 1996–1999 гг.:

Село Ворзогоры

Калитина Августа Степановна, 1916 г.р., м.р. и м.п. — с. Ворзогоры;

Кимарева Мария Ильинична, 1914 г.р., м.р. и м.п. — с. Ворзогоры;

Панчина Любовь Николаевна, 1918 г.р., м.р. и м.п. — с. Ворзогоры.

Село Кушерека

Кучина Александра Филиппьевна, 1918 г.р., м.р. и м.п. — с. Кушерека;

Неклюдова Антонина Андреевна, 1918 г.р., м.р. и м.п. — с. Кушерека;

Неклюдов Александр Григорьевич, 1926 г.р., м.п. — с. Кушерека;

Неклюдова Любовь Андреевна, 1918 г.р., м.п. — с. Кушерека.

Село Малошуйка

Андрякова Анна Евдокимовна, 1932 г.р., м.р. и м.п. — с. Малошуйка;

Барышева Августа Акимовна, 1905 г.р., м.р. и м.п. — с. Малошуйка;

Быкова Анна Григорьевна, 1909 г.р., м.р. — с. Калгачиха, м.п. — с. Малошуйка;

Вахтомина Антонина Климовна, 1922 г.р., м.п. — с. Малошуйка;

Соболева Людмила Ивановна, 1918 г.р., м.п. — с. Малошуйка.

Деревня Нименьга

Гостева Павла Андреевна, 1920 г.р., м.р. и м.п. — д. Нименьга;

Завьялов Иван Михайлович, 1908 г.р., м.п. — д. Нименьга;

Пономарева Мария Петровна, 1912 г.р., м.п. — д. Нименьга.

Деревня Унежма

Варзугин Валентин Иванович, 1930 г.р., м.п. — д. Унежма;

Кондратьева Августа Ивановна, 1926 г.р., м.р. и м.п. — д. Унежма;

Куколева Ольга Григорьевна, 1914 г.р., м.п. — д. Унежма.

Экспедиции 2018–2020 гг.:

Село Ворзогоры

Гостев Михаил Александрович, 1958 г.р., м.р. — д. Нименьга, м.п. — д. Кондратьевская;

Гунин Николай Александрович, 1968 г.р., м.р. и м.п. — д. Яковлевская;

Гунина Галина Андреевна, 1934 г.р., м.р. и м.п. — д. Яковлевская;

Долматов Александр Николаевич, 1947 г.р., м.р. и м.п. — д. Яковлевская;

Долматова Надежда Викторовна, 1950 г.р., м.р. — г. Вельск, м.п. — д. Яковлевская;

Захарова Валентина Васильевна, 1939 г.р., м.р. — г. Онега, м.п. — д. Кондратьевская;

Слепинин Александр Порфирьевич, 1933 г.р., м.р. и м.п. — д. Кондратьевская;

Рогачева Нина Павловна, 1929 г.р., м.р. и м.п. — д. Кондратьевская.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Березович Е. Л.* Топонимия Русского Севера: Этнолингвистические исследования. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 1998. 338 с. // Электронный научный архив УрФУ. URL: <http://hdl.handle.net/10995/39008> (дата обращения: 14.07.2021).
- 2 *Бернштам Т. А.* Народная культура Поморья. М.: ОГИ, 2009. 432 с.
- 3 *Бернштам Т. А.* Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX века. Л.: Наука, 1983. 233 с.
- 4 *Вишневская О. В.* Живая земля соленой рыбы // Proza.ru. URL: <https://proza.ru/2011/11/23/605> (дата обращения: 14.07.2021)
- 5 *Гайдамашко Р. В.* Ландшафтная лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Верхнего Прикамья: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2014. 470 с.
- 6 *Иванова Е. Н.* Локативные именованья географических объектов в памятниках письменности Белозерского края конца XIV–XV в. // История русского слова: ономастика и специальная лексика северной Руси. Межвуз. сб. науч. тр. Вологда: Изд-во ВГУ, 2007. С. 106–112.
- 7 *Ионов А.* Мысли вслух. Ворзогоры. 2006 // Livejournal.com. URL: <https://alexey-ionov.livejournal.com/55677.html> (дата обращения: 14.07.2021).
- 8 *Калуцков В. Н., Иванова А. А., Давыдова Ю. А., Фадеева Л. В., Родионов Е. А.* Культурный ландшафт Русского Севера: Пинежье, Поморье. М.: Изд-во ФМБК, 1998. 136 с.
- 9 *Калуцков В. Н., Иванова А. А.* Географические песни в традиционном культурном ландшафте России. М.: Изд-во ПФОП, 2006. 212 с.
- 10 *Королькова М. Д., Ахрименко Д. С.* ЛСГ «Возвышенность, покрытая лесом» и «Сухое возвышенное место на болоте» (на материале СРНГ и региональных диалектных словарей) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) / отв. ред. С. А. Мызников. СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 2020. С. 337–359.
- 11 *Криничная Н. А.* Предания Русского Севера: [исследования и тексты]. СПб.: Наука, 1991. 325 с.
- 12 *Максимов С. В.* Год на Севере. Архангельск: Северо-Западное книжное изд-во, 1984. 607 с.
- 13 *Матвеев А. К.* Субстратная микротопонимия как объект комплекснорегионального исследования // Вопросы языкознания. 1989. № 1. С. 77–85.
- 14 *Матвеев А. К.* Субстратная топонимика русского Севера // Вопросы языкознания. 1964. № 2. С. 64–83.
- 15 *Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2004. Ч. II. 369 с., 32 карты.
- 16 *Матонин В. Н.* Социокультурное пространство северной деревни: генезис, структура, семантика: дис. ... д-ра культурологии. СПб., 2015. 319 с.
- 17 «Не век жить — век вспоминать»: народная культура Поонежья и Онежского Поморья / редкол.: А. А. Крысанов, В. Н. Матонин, С. В. Рапенкова, С. Л. Тюкина и др. М. [и др.]: Фолиум: Тов-во Северного Мореходства, 2006. 385 с.
- 18 *Попов С. В.* Топонимия Белого моря // Вопросы топонимики Подвинья и Поморья: сб. ст. Архангельск: Географическое общество СССР, Архангельский филиал, 1991. С. 45–54.
- 19 *Рагулина М. В.* Культурная география: теория, методы, региональный синтез. Иркутск: Изд-во ИГ СО РАН, 2004. 171 с.

- 20 Словарь современного русского литературного языка / АН СССР. М.; Л.: Наука, 1950. Т. 1: А–Б. 767 с.
- 21 *Смольников С. Н.* Антропонимия в деловой письменности Русского Севера XVI–XVII вв.: Функциональные категории и модальные отношения. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. 255 с.
- 22 Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / *Даль В. И.* 8-е изд. М.: Русский язык, 1981. Т. 1: А–З. 699 с.
- 23 *Толстой Н. И.* Народная этимология и этимологическая магия // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. С. 317–333.
- 24 *Топорков А. Л.* Введение // Функционально-структуральный метод П. Г. Богатырева в современных исследованиях фольклора: Сб. ст. и мат./ отв. ред. С. П. Сорокина и Л. В. Фадеева. М.: Изд-во ГИИ, 2015. С. 9–17.
- 25 *Ушаков Ю. С.* Ансамбль в народном зодчестве Русского Севера: Пространственная организация, композиционные приемы, восприятие. Л.: Стройиздат, Ленингр. отд-ние, 1982. 168 с.

© 2022. **Tatiana V. Zhigaltsova**
Arkhangelsk, Russia

© 2022. **Vasiliy N. Matonin**
Arkhangelsk, Russia

© 2022. **Ekaterina N. Egorova**
Arkhangelsk, Russia

© 2022. **Natalya N. Bedina**
Arkhangelsk, Russia

TOPONYMIC STRUCTURE OF POMOR SETTLEMENTS

Abstract: The paper analyzes the architectural and spatial design and toponymic structure of Pomor settlements based on authors archival and field data. It also updates structure and elements of cultural landscape, identifies and describes regional features of the architectural and spatial organization of the settlement and the type of its spatial perception by local residents. The authors come to the conclusion about the dominant role of the category of space. Economic factors determine the image of space for the bearers of traditional culture. The category of space reflects the inner world of the people who experience it. Toponymic contexts analyzed from the point of view of language semantics and culture demonstrate typical morphological and morphemic models of word formation, which indicate both the universality of settlement structures, and universal toponyms with a rich internal form generating a vast interpretational field and semantic contamination of a spatial type. The toponyms, formed from anthroponyms, showing territorial belonging and marking the “space — person” relationship, are frequently found. The toponyms that appeared by transition of common names into

the proper ones (reverse antonomasia) are of special interest in terms of interpretation. At the same time, reverse antonomasia did not result from the loss of the object's main function of indicating a specific geographical object, rather, it represented itself in acquiring additional connotations (for example, *Volchikha* (from the word 'wolf'), *Popov Ruchei* (the priest's creek) within the spatial category and use in a generalized way (for example, *Niz* (bottom), *Verkhov'ye* (upper reach), *Konets* (end), *Posad* (trade quarter)). The analysis of toponymic data confirms that, on the one hand, there is a rigidly defined center in the mental image of space — the habitable territory. On the other hand, the image of space for commercial fishermen was characterized by vastness, and their "striving outside" attitude did not only have a pragmatic, but also an existential character.

Keywords: design, cultural landscape, toponymic, traditional culture, Onezskoye Pomorie, Russian North.

Information about the authors:

Tatiana V. Zhigaltsova — PhD in Philosophy, Associate Professor, Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Severnaya Dvina Emb., 17, 163002 Arkhangelsk, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5471-1540>

E-mail: zhitava@gmail.com

Vasiliy N. Matonin — DSc in Culturology, Professor, Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Severnaya Dvina Emb., 17, 163002 Arkhangelsk, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0830-5533>

E-mail: matoninv@yandex.ru

Ekaterina N. Egorova — PhD in Philology, Associate Professor, Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Severnaya Dvina Emb., 17, 163002 Arkhangelsk, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8115-9344>

E-mail: ruslit1611@yandex.ru

Natalya N. Bedina — DSc in Culturology, Associate Professor, Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Severnaya Dvina Emb., 17, 163002 Arkhangelsk, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1613-4164>

E-mail: bedina-nat@yandex.ru

Received: August 19, 2021

Approved after reviewing: November 20, 2021

Date of publication: June 28, 2022

For citation: Zhigaltsova T. V., Matonin V. N., Egorova E. N., Bedina N. N. Toponymic Structure of Pomor Settlements. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 64, pp. 45–64. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-64-45-64>

REFERENCES

- 1 Berezovich E. L. *Toponimiia Russkogo Severa: Etnolingvisticheskie issledovaniia* [Toponymy of the Russian North: Ethnolinguistic Studies]. Ekaterinburg, Izdatel'stvo UrFU Publ., 1998. 338 p. *Elektronnyi nauchnyi arkhiv UrFU* [UrFU Electronic Scientific Archive]. Available at: <http://hdl.handle.net/10995/39008> (accessed 14 July 2021). (In Russian)
- 2 Bernshtam T. A. *Narodnaia kul'tura Pomor'ia* [Folk Culture of Pomorie]. Moscow, OGI Publ., 2009. 432 p. (In Russian)
- 3 Bernshtam T. A. *Russkaia narodnaia kul'tura Pomor'ia v XIX – nachale XX veka* [Russian Folk Culture of Pomorye at the Beginning of the 20 Century]. Leningrad, Nauka Publ., 1983. 233 p. (In Russian)

- 4 Vishnevskaja O. V. Zhivaia zemlia solenoi ryby [Living Land of Salted Fish]. In: *Proza.ru*. Available at: <https://proza.ru/2011/11/23/605> (accessed 14 July 2021). (In Russian)
- 5 Gaidamashko R. V. *Landshaftnaia leksika finno-ugorskogo proiskhozhdeniia v russkikh govorakh Verkhnego Prikam'ia* [Landscape vocabulary of Finno-Ugric origin in Russian dialects of the Upper Kama region: PhD thesis]. St. Petersburg, 2014. 470 p. (In Russian)
- 6 Ivanova E. N. Lokativnye imenovaniiia geograficheskikh ob"ektov v pamiatnikakh pis'mennosti Belozerskogo kraia kontsa XIV–XV v. [Locative Naming of Geographical Objects in the Written Monuments of the Belozersk Territory at the End of the 14th–15th Centuries]. In: *Istoriia russkogo slova: onomastika I spetsial'naiia leksika severnoi Rusi. Mezhvuz. Sbornik nauchnykh trudov* [History of the Russian Word: Onomastics and Special Vocabulary of Northern Russia. Inter-university Collection of Academic Papers]. Vologda, Izdatel'stvo VGU Publ., 2007, pp. 106–112. (In Russian)
- 7 Ionov A. Mysli vsluh. Vorzogory. 2006 [Thoughts Aloud. Vorzogory. 2006.]. In: *Livejournal.com*. Available at: <https://alexey-ionov.livejournal.com/55677.html> (accessed 14 July 2021). (In Russian)
- 8 Kalutskov V. N., Ivanova A. A., Davydova Iu. A., Fadeeva L. V., Rodionov E. A. *Kul'turnyi landshaft Russkogo Severa: Pinezh'e, Pomor'e* [The Cultural Landscape of the Russian North: Pinezhie, Pomorie]. Moscow, FMBK Publ., 1998. 136 p. (In Russian)
- 9 Kalutskov V. N., Ivanova A. A. *Geograficheskie pesni v traditsionnom kul'turnom landshafte Rossii* [Geographical Songs in Traditional Cultural Landscape of Russia]. Moscow, PFOP Publ., 2006. 212 p. (In Russian)
- 10 Korol'kova M. D., Akhrimenko D. S. LSG “Vozvyshenost', pokrytaia lesom” i “Sukhoe vozvyshennoe mesto na bolote” (na materiale SRNG i regional'nykh dialektnykh slovarei) [LSG “Upland Covered with Forest” and “Dry Elevated Place in a Swamp” (Based on the Material of the SRNG and Regional Dialect Dictionaries)]. In: *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy I issledovaniia)* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Papers and Research)], resp. ed. S. A. Myznikov. St. Petersburg, ILI RAN Publ., 2020, pp. 337–359. (In Russian)
- 11 Krinichnaia N. A. *Predaniia Russkogo Severa: [issledovaniia i teksty]* [Legends of the Russian North]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1991. 325 p. (In Russian)
- 12 Maksimov S. V. *God na Severe* [A Year in the North]. Arkhangel'sk, Severo-Zapadnoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1984. 607 p. (In Russian)
- 13 Matveev A. K. Substratnaia mikrotoponimiia kak ob"ekt kompleksnogoregional'nogo issledovaniia [Substratum Microtoponymy as an Object of Complex Regional Research]. *Voprosy iazykoznaniiia*, 1989, no 1, pp. 77–85. (In Russian)
- 14 Matveev A. K. Substratnaia toponimika russkogo Severa [Substratum Toponymy of the Russian North]. *Voprosy iazykoznaniiia*, 1964, no 2, pp. 64–83. (In Russian)
- 15 Matveev A. K. *Substratnaia toponimiia Russkogo Severa* [Substratum Toponymy of the Russian North]. Ekaterinburg, UrGU Publ., 2004. Part II. 369 p., 32 maps. (In Russian)
- 16 Matonin V. N. *Sotsiokul'turnoe prostranstvo severnoi derevni: genezis, struktura, semantika* [Socio-cultural Space of the Northern Village: Genesis, Structure, Semantics: PhD thesis]. St. Petersburg, 2015. 319 p. (In Russian)

- 17 “*Ne vek zhit' — vek vspominat'*”: *narodnaia kul'tura Poonezh'ia i Onezhskogo Pomor'ia* [“Not a Century to Live — a Century to Remember”: Folk Culture of Ponezhie and Onega Pomorie], ed. by A. A. Krysanov, V. N. Matonin, S. V. Rapenkova, S. L. Tiukina and other. Moscow [and other], Folium: Tovarishchestvo Severnogo Morekhodstva Publ., 2006. 385 p. (In Russian)
- 18 Popov S. V. *Toponimiiia Belogo moria* [Toponymy of the White Sea]. In: *Voprosy toponimiki Podvin'ia i Pomor'ia: sbornik statei* [Toponymy issues of Podvinia and Pomoria: collected works]. Arkhangel'sk, Geograficheskoe obshchestvo SSSR, Arkhangel'skii filial Publ., 1991, pp. 45–54. (In Russian)
- 19 Ragulina M. V. *Kul'turnaia geografiia: teoriia, metody, regional'nyi sintez* [Cultural Geography: Theory, Methods, Regional Synthesis]. Irkutsk, IG SO RAN Publ., 2004. 171 p. (In Russian)
- 20 *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka* [Dictionary of Modern Russian Literary Language], AN SSSR. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1950. Vol. 1: A–B. 767 p. (In Russian)
- 21 Smol'nikov S. N. *Antroponimiiia v delovoi pis'mennosti Russkogo Severa XVI–XVII vv.: Funktsional'nye kategorii i modal'nye otnosheniia* [Anthroponymy in the Business Writing of the Russian North of the 16th–17th Centuries: Functional Categories and Modal Relations]. St. Petersburg, SPbGU Publ., 2005. 255 p. (In Russian)
- 22 *Tolkovi slovar' zhivogo velikoruskogo iazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols.]. Dal' V. I. 8nd ed. Moscow, Russkii iazyk Publ., 1981. Vol. 1: A–Z. 699 p. (In Russian)
- 23 Tolstoi N. I. *Nardnaia etimologiia i etimologicheskaiia magiia* [Folk Etymology and Etymological Magic]. In: *Iazyk i narodnaia kul'tura. Ocherki po slavianskoi mifologii i etnolingvistike* [Language and Folk Culture. Essays on Slavic Mythology and Ethnolinguistics]. Moscow, Indrik Publ., 1995, pp. 317–333. (In Russian)
- 24 Toporkov A. L. *Vvedenie* [Introduction]. In: *Funktsional'no-struktural'nyi metod P. G. Bogatyreva v sovremennykh issledovaniakh fol'klora: Sbornik statei I materialov* [Functional and structural Method of P. G. Bogatyrev in Modern Folklore Studies: papers and proceedings], responsible editor S. P. Sorokina and L. V. Fadeeva. Moscow, Izdatel'stvo GII Publ., 2015, pp. 9–17. (In Russian)
- 25 Ushakov Iu. S. *Ansabl' v narodnom zodchestve Russkogo Severa: Prostranstvennaia organizatsiia, kompozitsionnye priemy, vospriiatie* [Ensemble in folk architecture of the Russian North: Spatial organization, compositional techniques, perception]. Leningrad, Stroizdat, Leningradskoe otdelenie Publ., 1982. 168 p. (In Russian)